

4. Ванин А., Сумманен К. Банк, который всегда с тобой // Банковские технологии. – 1999. – № 4. – С. 46-52.
5. Банковское дело: учебник; под ред. Г.Н. Белоглазовой, Л.П. Кроливецкой. – М.: КноРус, 2010. – 416 с.
6. Пухов А.В. Продажи и управление бизнесом в розничном банке / А.В. Пухов. – М.: КНОРУС: ЦИП-СиР, 2012.
7. Сегодня и завтра дистанционного банкинга: 2-й Международный форум «Дистанционный банкинг 2011» // Банковские технологии. – 2011. – № 7. – С. 11-15.
8. Исследование рынка систем дистанционного банковского обслуживания [Электронный ресурс]. – URL: www.cnews.ru (21.10.18).
9. Системы дистанционного банковского обслуживания (рынок ДБО России) [Электронный ресурс]. – URL: www.tadviser.ru (21.10.18).
10. Internet Banking Rank 2017 [Электронный ресурс]. – URL: www.markswebb.ru (21.10.18).

УДК 94(57)

Цубикова Любовь Сергеевна,
к.и.н., доцент, доцент кафедры «Экономика, маркетинг и психология управления»,
ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет»,
e-mail: lkor11@mail.ru

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫ

Tsubikova L.S.

LAND MANAGEMENT IN THE IRKUTSK PROVINCE IN THE 1920S

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы земельной политики и землеустройства на территории Иркутской губернии (округа) в 1920-е годы. Автор делает акцент на таких моментах как: развитие арендных отношений, землепользование земельных обществ и самостоятельного крестьянского двора, рост коллективных хозяйств и их объединение, подготовка земельного фонда для переселенцев, формы землепользования и др.

Ключевые слова: землеустройство, земельная политика, колхозы, сельское хозяйство, Иркутская губерния.

Abstract. The article discusses issues of land policy and land management in the territory of the Irkutsk province (district) in the 1920s. The author focuses on such moments as: the development of rental relations, land use of land societies and an independent peasant yard, growth of collective farms and their unification, preparation of a land fund for immigrants, land use forms, etc.

Keywords: land management, land policy, collective farms, agriculture, peasantry, Irkutsk province.

Вопросы аграрных преобразований советской власти получили освещение как в общероссийской, так и в сибирской исторической литературе [10, 13-15, 17 и др.]. Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно освещены вопросы реализации землеустройства и землепользования на практике, на примере отдельных территорий.

В конце 1919 г. – начале 1920 г. в Восточно-Сибирском крае по мере закрепления на его территории советской власти началось распространение единого законодательства и формирование новых органов власти. При Сибревкоме был образован Сибземотдел, а также созданы губернские и уездные земельные отделы. Произошло реформирование старых структур. Так, в 1920 г. статистиче-

ские отделы бывшей Губернской земской управы и Иркутского переселенческого района со всеми принадлежащими им делами, имуществом и штатом служащих перешли в ведение Губернского земельного отдела (Губземотдел) [1, Л. 9].

Местные нормативно-правовые документы, повторяя положения общереспубликанских, фиксировали: «... сделки на землю уничтожаются; существующие земельные договоры, в том числе арендные, расторгаются. Все частновладельческие и монастырские земли, находящиеся на территории Иркутской губернии, объявляются собственностью государства и переходят в заведывание и распоряжение местных земельных отделов...» [1, Л. 15]. Одним из ведущих доку-

ментов, регулирующих вопросы землепользования, стало постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [16], которое рассматривало «все виды единоличного пользования как переходящие и отживающие» и акцентировало внимание населения и властей на распространении крупных советских хозяйств, коммун, товариществ по совместной обработке земли. В документах присутствовал классовый подход, например, «Инструкция по организации и регистрации сельскохозяйственных коммун и трудовых артелей», изданная в 1918 г., запрещала образовывать таковые, если их членами были «граждане, живущие на нетрудовой доход, капиталисты, кулаки, бывшие помещики, бывшие жандармы, бывшие полицейские и охранники, священники и служители религиозных культов, умалишенные, опороченные народным судом, лица, замеченные в спекуляции, пьянстве, азартных играх и в других подобных поступках, нетерпимых при совместной жизни» [2, Л. 73].

При этом, кардинально пересмотрев основы земельной политики, власть, предопределяя наперед возможные последствия отказа населения от занятия земледелием (полного или частичного), обязала губернские земельные отделы сохранять земельные площади и предупреждала местное население – земледельцев (как индивидуальные хозяйства, так и коллективные), что, в случае сокращения ими площадей посева до производительности, равной собственному потреблению без законных оснований, будет рассматривать такие действия как «государственное преступление, ответственность за которое ляжет как на самих сельских хозяйствах, так и на всех местных земельных органах, допустивших подобный случай» [1, Л. 16].

Уже в июле 1920 г. на I-м Сибирском Съезде представителей губземотделов, уземотделов, коммун, артелей и совхозов, были подведены первые итоги земельных преобразований, где подчеркивалась неоднозначность достигнутых результатов: с одной стороны, «разруха, отсутствие во многих хозяйствах живого и мёртвого инвентаря, общий недостаток рабочих рук, уменьшение лошадей», «новые формы хозяйства вызывали в среде темных масс недоверие, а иногда открытую вражду», с другой, – «поднятие об-

щего уровня самосознания в массах способствует переходу к новым формам общественного хозяйства, которые дают возможность максимально использовать наличный инвентарь; облегчают труд, поднимают производительность и служат всестороннему развитию человека» [2, Л. 9].

Декларация Сибревкома «О порядке наделения и пользования землей» (март 1920 г.) разрешила аренду земли [5, Л. 1 об.].

В дальнейшем более детализировано условия ее сдачи (временной переуступки прав на пользование) были определены в постановлении ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Законе о трудовом землепользовании» [11] и Земельном кодексе РСФСР 1922 г. [12]. Так, для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий (неурожая, пожара, падежа скота и т.п.) или недостатка инвентаря или рабочей силы (за смертью, временным отходом из хозяйства на трудовые заработки, призывами мобилизации, общественной работы и пр.) допускалась сдача всей или части земли в аренду. Первоначально сдача в аренду разрешалась на срок не более одного севооборота (в дальнейшем была продлена – до двух севооборотов), а при отсутствии правильного севооборота на срок не более трех лет (продлена до 12 лет). Арендовать можно было земли столько, сколько хозяйство смогло бы обработать собственными силами, с 1922 г. позволялось применять наемный труд.

Арендные отношения активно использовались в Восточной Сибири. В 1926 г. было проведено обследование двух селений Иркутского округа М. Еланки и Малышевки. В результате выяснилось, что из 252 хозяйств 51 (20,2%) использовало аренду пашни и сенокосных угодий, причем не только в своих селах (41 – 80,3%), но в соседних (10-19,7%). Арендой земли занимались преимущественно середняцкие и бедняцкие хозяйства, тогда как ее сдача «превалировала у бедняцких хозяйств». Земля сдавалась как краткосрочно (до 1 года), так и долгосрочно (до 3–6 лет). Способы арендной платы в Иркутской губернии (с июня 1926 г. – области) были различными: за обработку, за деньги, за продукты (натуральный), полный и смешанный [5, Л. 1 об.].

Средний размер арендной платы по Иркутскому округу в 1926 г. составил 7 рублей 48 копеек и варьировался в диапазоне от 2 до 10 рублей за десятину [5, Л. 1 об.].

Спорным для крестьян был вопрос уплаты сельхозналога при арендных отношениях, поскольку нормативно-правовые акты его не регулировали. Из 51 рассмотренного хозяйства, приведенного выше обследования, в 24 случаях сельхозналог оплачивал арендатор, а в 17 – арендодатель. В целом, инспектор, проверивший хозяйства М. Еланки и Малышевки, резюмировал – «сложившиеся арендные отношения нельзя считать эксплуататорскими, сдача земли носит трудовой характер и на развитии производительных сил в сельском хозяйстве либо на укреплении отдельных крестьянских групп не сказывается» [5, Л. 30-31 об.].

Согласно Земельного кодекса процедура аренды должна была регистрироваться местными органами власти, но практика показывала, что крестьяне старались обходиться устной взаимодоговоренностью, особенно если это касалось краткосрочной аренды.

Право на землепользование осуществлялось в двух вариантах: в составе земельного общества и отдельно без вхождения в его состав. К первому относились – сельскохозяйственные коммуны, артели, добровольные объединения дворов и другие. Земельный кодекс 1922 г. оговаривал минимальное число членов – 15 взрослых трудовых земледельцев. Несколько земельных обществ могли по взаимному соглашению образовывать одно земельное общество и объединяться в союзы. Вступление безземельных дворов в общество допускалось в случае согласия его членов и наличия излишних земель или в результате доприселения земельными органами. Руководящим органом являлся сход – общее собрание полноправных его членов и выборные его органы. Если границы территории общества совпадали с границами сельского совета, то функции управления выполнял сельский совет или особые уполномоченные по земельным делам, избираемые общим собранием членов общества.

Формами землепользования земельных обществ были: а) общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); б) участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков) и в) товарищеский (с совместным пользованием землей членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке

земли). В Восточной Сибири преимущество было за общинным землепользованием.

Наименьшей организационной единицей села являлось трудовое земледельческое хозяйство – двор, который мог состоять и из одного человека, даже если он был бы несовершеннолетним (при установлении опеки). Войти во двор можно было в результате брака и (или) приймачества. Причем право на землю в предыдущем дворе, если таковая имелась, терялось. Процедура приймачества, т.е. приема во двор новых членов, предусматривала составление специальной записи.

Закон предусматривал раздел трудовых земледельческих хозяйств с выделением земель при условии образования новых хозяйств. В волостном (в дальнейшем – районном) исполнительном комитете регистрировалась раздельная запись, где указывалось: а) когда и между какими членами двора состоялось соглашение о разделе; б) где и какие земельные участки (по их роду, размеру и местоположению) поступают в раздел, и как распределяются они между участниками соглашения; в) какое имущество поступает в раздел, и как оно распределяется; г) срок и порядок исполнения раздела; д) другие, не противоречащие закону условия, какие участники соглашения признают нужным установить; е) подписи участников соглашения.

Запрещалось разделять хозяйства на «слишком мелкие» земельные единицы. Нормы «недробимости» устанавливались губернским земельным управлением и утверждались вышестоящими органами власти. Для индивидуальных хозяйств такие нормы были стабильными, а для хозяйств, входивших в земельное общество, могли корректироваться последними, при условии использования общинного и участково-чересполосного землепользования. Нормы «недробимости» ограничивали раздел хозяйств до статуса бедняка и, соответственно, не создавали возможности уйти от уплаты сельхозналога, либо снижения различных платежей. При этом остальная часть имущества подлежала разделу.

Можно выделить два периода в проведении земельной политики. Первый – с 1920-го по 1927 г., для него характерно использование и расширение земельного фонда и организация землеустройства в преимущественном праве коллективных хозяйств. Последние были представлены следующими видами: сельскохозяйственная коммуна, зем-

ледельческая артель, товарищество по совместной обработке земли. Нужно отметить, что коллективные хозяйства были и до 1917 г. Так, например, в Иркутском округе в довоенное время было 11 сельскохозяйственных товариществ [6, Л. 67].

Идея расширения деятельности коллективных хозяйств по сравнению с индивидуальными сначала была закреплена на законодательном уровне («Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14.02.1919 г., Земельный кодекс РСФСР 1922 г.), но практической реализации получила не сразу. Первые отчеты начала 1920-х гг. о количестве созданных колхозов носили единичный и выборочный характер. Так, например, в Тулунском уезде в 1924 г. – образована одна сельскохозяйственная коммуна; в Иркутском уезде в 1920 г. – две, в 1923 г. – одна, в 1924 г. – одна [4, Л. 12].

Активное строительство колхозов начинается во второй половине 1920-х гг. Данные того же Иркутского округа показывают следующую динамику роста: 1925 г. – 14, 1926 г. – 15, 1927 г. – 24, 1928 г. – 120 [6, Л. 1.; 9, Л. 80]. Архивные документы фиксируют, что в восточно-сибирской деревне большее распространение получила земледельческая артель.

С 1928 г. – второй период, обусловлен началом сплошной коллективизации и связан с земельной реорганизацией и распашкой новых площадей, со слиянием коллективных хозяйств в более крупные и внедрением деятельности совхозов.

Начавшиеся процессы укрупнения коллективных хозяйств путем их объединения, заставили вновь пересмотреть землеустройство сельской местности. Так, в отчете за 1929 г. по Иркутскому округу отмечалось: «В Черемховском районе коммуна «Красная Звезда» перестраивалась три раза и намечено четвертое землеустройство» [9, Л. 88].

Особенностью восточно-сибирских территорий по сравнению с западными землями была их низкая освоенность. Несмотря на то, что задача расширения землеустройства была поставлена еще в 1919 г., активно она начала прорабатываться с середины 1920-х гг. Землеустройство проходило неравномерно и «замедленными темпами». Помимо условий Гражданской войны, можно назвать следующие причины, осложняющие его проведение: исторически сложившееся

захватно-подворно-родовое пользование земель, скученность дворов в местах поселения, наличие дальнотельности и чересполосицы; неоднозначное отношение к переделам со стороны населения; отсутствие специалистов (агрономов, землемеров, мелиораторов) и текучесть их кадров; проведение землеустройства за счет населения.

Последний фактор особенно обременял крестьян. Тарифы, утвержденные Сибкрайревкомом на 1925/26 г. за десятину, составляли: межселенное землеустройство – 30 коп., отвод земель учреждениям, предприятиям, городам, поселкам, выселкам и коммунам – 60 коп., разверстание земель на широкополосицу – 80 коп., разверстание на хутора и отруба – 1 руб., выделы хуторов и отрубов числом не более пяти – 1 руб. 60 коп., земельная регистрация без землеустроительных действий в натуре – 6 коп. [5, Л. 47]. Была разработана система льгот, в первую очередь для маломощных хозяйств. Бедняцкое хозяйство получало помощь при проведении землеустроительных работ в форме кредитов Сельбанка и освобождения от оплаты с отнесением последней на государственный счет. За счет бюджета при землеустройстве бедняков было оплачено по 11% от стоимости проведенных земельных работ в 1925 и 1926 гг. Активно использовался кредит. Выдавался как краткосрочный, так и долгосрочный кредит под 6% годовых [6, Л. 38].

С 1928 г. землеустройство бедняцких, маломощно-средняцких и всех коллективных хозяйств начинает производиться за государственный счет.

Особенностью Сибирского края было переселение из других регионов страны. Практика колонизации за предыдущие годы показала, что переселенческая волна, идя с Запада на Восток, оседала, прежде всего, в Западной Сибири и лишь незначительная часть доходила до Восточной. В первой половине 1920-х гг. государство практически не контролировало процессы переселения, но взяло их под свой контроль с середины 1920-х гг. Ставилась задача увеличения емкости колонизационного фонда. Его подготовка в необжитых районах являлась работой длительного характера и определялась временем от начала обследования до открытия района под заселения в 6-7 лет. Подготовительные работы заключались в общем и детальном обследовании, оборудовании агрометеороло-

гической сети и агрометеорологического изучения предназначенных под колонизацию территорий, съемке территории, отграничении участков, разбивке усадеб, проведении дорог, гидротехнических изысканиях, подготовке лесных площадей под пашню и других подготовительных технических и научно-исследовательских работах [5, Л. 4-11 об.].

Земля переселенцам выделялась в надел, но также могла ими самостоятельно арендоваться. В мае 1927 г. Иркутской колонизационно-переселенческой партией было принято 175 семей с разных уголков страны (бывшие губернии – Акмолинская, Амурская, Витебская, Вологодская, Волинская, Воронежская, Вятская, Иркутская, Казанская, Каменец-Подольская, Киевская, Минская, Могилевская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Хесонская, Черниговская), из них 94,2% пользовались исключительно наделной землей, 0,6% – арендованной и 5,2% – наделной и арендованной. В среднем на одно хозяйство приходилось 4,8 дес. земли [8, Л. 93].

В 1930-е гг. активно стало практиковаться переселение в Восточно-Сибирский край демобилизованных красноармейцев и их семей, а также колхозников из других краев, областей и республик. Всем им предоставлялись широкие льготы.

При землеустройстве осуществлялись следующие виды работ: выделение и отвод земель (существующим селениям, вновь образовавшимся селениям, сельскохозяйственным коллективам), разверстание на поля и широкие полосы, уничтожение чересполосицы и дальнотельных земель (межселенных), земельная регистрация без землеустроительных действий, земельная регистрация с землеустроительными действиями и отграничение лесов местного значения [7, Л. 51].

В целом, землеустройство имело два направления – межселенное и внутриселенное.

Межселенное землеустройство охватывало несколько селений и чаще всего было преддверием внутриселенного. Его задачами

были: устранение цельноземелья, разрешение споров между обществами (по вопросам вклинивания, чересполосицы и т.д.), установление земельным обществам «незыблемых прав на землю». Чаще всего производилось за счет внешнего финансирования, а не за счет крестьянства. И в большинстве случаев население относилось к нему благожелательно.

Внутриселенное землеустройство необходимо было при формировании сельскохозяйственных артелей, коммун и других коллективных образований, при пересмотре нормативов пользования землей отдельными хозяйствами (при уравнивании сельскохозяйственных угодий между дворами по едокам, при выделении приусадебных участков и т.д.). Именно этот вид землеустройства способствовал обострению и складыванию конфликтных отношений между социальными группами – бедняками, середняками, зажиточными и кулаками.

Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Общие начала землепользования и землеустройства» назвало примером лучшего ведения хозяйства – советское хозяйство, как крупного государственного сельскохозяйственного предприятия. При их образовании предусматривались внеочередные земельно-хозяйственные работы за счет бюджетных и иных средств, освобождение от арендной платы, предоставление льготных кредитов и прочее. В 1929 г. в Восточно-Сибирском крае было образовано три социалистических хозяйства, в 1930 г. – 21 хозяйство, в 1931 г. – 73 [3, Л. 58]. Удельный вес совхозного сектора к общей посевной площади в 1930 г. был равен – 1,01%, общая площадь землепользования составила 1 930,0 тыс. гектаров.

Таким образом, за 1920-е годы сформировалась законодательная база по земельным вопросам, произошел переориентир с индивидуального землепользователя на коллективного (колхозы, совхозы). Землеустройство в 1920-е гг. стало одним из главных контролируемых рычагов деревни и подготовило базу для проведения сплошной коллективизации и раскулачивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Иркутской Области (ГАИО). Ф. р-46. Оп. 1. Д. 14.
2. ГАИО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 244.

4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 57.
5. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 59.
6. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 525.
7. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 526.
8. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 531.
9. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1058.
10. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.); под ред. Московский А. – Новосибирск: Наука, 1973. – 518 с.
11. Закон о трудовом землепользовании Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.
12. Земельный кодекс РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва») // СУ РСФСР. 1922. № 68, ст. 901.
13. Ильиных В.А. Землеустройство в Сибири в условиях нэпа: выбор оптимальной формы // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т.23. № 1. С. 70-76.
14. Ильиных В.А. Проект аграрной колонизации Сибири 1927 г. в XX в.: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2013. С. 163-202.
15. Максимова О.Д. Разработка и принятие общих начал землепользования и землеустройства Союза ССР и союзных республик 1928 г. // Аграрное и земельное право. 2014. № 4. С. 7-12.
16. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. Орел: Народный комиссариат земледелия, 1919. – 16 с.
17. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревни / И.С. Степичев. – Иркутск: Вост.-Сиб. книжное издательство, 1966. – 742 с.

УДК 14 + (81)

Чечет Борис Фёдорович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры общественных наук,
ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет»

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА: «ВЕЧНАЯ» ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ

Chechet B.F.

THE NATURE OF HUMAN BEING: THE «ETERNAL» PROBLEM IN THE LIGHT OF NEW REALITES

Аннотация. В статье анализируется глубинная мотивация массовых убийств и терроризма через анализ природы человека.

Ключевые слова: терроризм, массовые убийства, природа человека, идентичность, самореализация личности.

Abstract. The article analyzes the deep motivation of massacres and terrorism through the analysis of a human nature.

Keywords: terrorism, massacres, human nature, identity, self-realization.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось множеством трагических и шокирующих по своему содержанию явлений, актуализирующих вопрос о природе человека. Вопрос этот относится к числу так называемых «вечных» вопросов философии. Человек меняется, так же динамично и непредсказуемо, как меняются времена. Означает ли это непредсказуемость эволюции человеческой природы, и не окажется ли эта непредсказуемость губительной для человеческой цивилизации?

22 июля 2011 года Андерс Брейвик (Норвегия) в течение полутора часов хладнокровно застрелил 77 и ранил 151 участника молодёжного лагеря правящей Норвежской рабочей партии. Мотив – несогласие с миграционной политикой правительства Норвегии [1].

24 марта 2016 года немецкий пилот Андреас Любиц, решив не просто покончить жизнь самоубийством, но и убить других людей, направил пассажирский самолёт Airbus A320 в склон горы. Погибло 150 человек [2].